

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной книги не принадлежит к числу забытых. О введении коллегий и преобразованиях Сената с разной степенью подробности упоминается в учебных пособиях по истории России (см., напр., Юрганов, Кацова, с. 247—254; Ерошкин, с. 50—60; Riasanovsky),¹ в сводных трудах по истории XVIII века и в описаниях царствования Петра I (*Бабурин (1954)*, с. 291—317; *Кафенгауз*, с. 381—394; *Голикова и Кислягина*, с. 44—108; *Wittram*, 2, p. 114—115), или в биографиях Петра Великого (см. *Павленко (1990)*, с. 434—474; *Massie*, p. 747—756). Такое внимание к теме вполне естественно — ведь преобразования аппарата управления в России, в стране, где государство всегда играло ведущую роль, чрезвычайно важны, они во многом определяли жизнь всего русского общества, непосредственно сказывались на его юридическом, экономическом, политическом, социальном состоянии. Более того, государственные преобразования Петра I резко выдвигаются из ряда различного масштаба и сложности административных перемен, которые всегда происходят в жизни государства. Это не просто соединение одних ведомств, переименование других, перенос бумаг из одного места в другое, это — грандиозная, глубокая реформа, изменившая суть устройства и функционирования государственной машины на долгие десятилетия. Многие принципы, заложенные в основу реформируе-

---

¹ В книге применена система примечаний в скобках в тексте. Вначале даны курсивом фамилия автора или аббревиатура названия сборника документов (полное название см.: Литература), затем в скобках — год издания при наличии нескольких работ данного автора, то же в случае авторов-однофамильцев. После этого указывается том (выпуск, часть), страница (в одностомном издании — только страница). Для трех важнейших публикаций — «Законодательных актов Петра I» Н. А. Воскресенского (ЗА), I Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ I) и «Писем и бумаг Петра Великого» (ПБП) сделано исключение: после аббревиатуры указан номер документа и лишь иногда (при использовании большого документа или комментария к нему) дана и страница. В тех случаях, когда обращается внимание читателей на публикацию как историографический факт, в скобках курсивом дается только фамилия автора или аббревиатура названия сборника. При ссылке на архивные источники даются аббревиатура названия архива (см. Список сокращений), номер фонда, опись, единица хранения (дело), листы.

мого государства, просуществовали столетия и имеют значение до сих пор.

Изучение истории государственных преобразований Петра I началось уже во второй половине XVIII в., когда Г. Ф. Миллер, А. С. Князев, М. М. Щербатов сделали архивные подборки сведений о государственных учреждениях накануне петровских реформ (*Каменский (1982)*, с. 259—272). Много информации о государственных преобразованиях Петра I включено в многотомное издание И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» (*Голиков*) и подобные ему апологетические сочинения. Первые аналитические оценки реформы Петра I в сфере управления были даны в 1826—1827 гг. в «Записке о государственных установлениях» М. М. Сперанского (*Сперанский (1905)*, с. 230—249). Но наука начинается по-настоящему лишь с трудов Константина Дмитриевича Кавелина, чья магистерская диссертация 1844 г. «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях» заложила основу научного подхода к проблемам истории русского государственного аппарата и реформ Петра в этой сфере (*Кавелин*, с. 213—215, 354—419). Эту работу продолжили К. Н. Неволин (см. *Неволин*) и А. Д. Градовский (см. *Градовский*) — последователи государственной школы русской историографии, внесшей колоссальный вклад в изучение государства в России. В записке Сперанского, трудах Кавелина, Неволлина, Градовского, а также Вицына (*Вицын*), Ф. Дмитриева (*Дмитриев*), К. Троцыной (*Троцына*) были высказаны идеи и оценки государственных преобразований Петра I, которые затем бесчисленное количество раз повторялись в учебниках и курсах по истории государственного права в России (см., напр., *Андреевский; Филиппов (1912)* и др.). Речь идет об объяснении причин преобразований государственного аппарата при Петре. «Беспорядки и злоупотребления бывшего прежде личного приказного управления представляли необходимым ввести порядок коллегияльный... Суд не был еще тогда отделен от прочих управлений», — писал М. М. Сперанский. Ему вторил К. Н. Неволин, обратив внимание на «неправильность» распределения «предметов между управлениями», отсутствие «твердого и точного закона» в порядке производства дел и т. д. (*Сперанский (1905)*, с. 236; *Неволин*, с. 211—212).

В сущности, те же причины реформы приводятся в типичной для пособий по истории государственного права книге В. Е. Романовского, написанной полвека спустя после книги Неволлина. О допетровском государстве в ней сказано следующее: «Словом, правительственные функции были перепутаны, неудачно сгруппированы, группировка их была произведена не по главным отраслям государственного устройства (суд, администрация, контроль за ними), а по мелочным и случайным отраслям государственного хозяйства... Петр I застал государственный механизм весьма сложной машиной с грубо, неумело сработанными многочисленными частями, беспорядочно цеплявшимися друг за друга, мешавшими друг другу» (*Романовский*, с. 305—306). О том же пишут и историк несравненно

более высокой квалификации А. Н. Филиппов (*Филиппов (1912)*, с. 759) и другие авторы.

Несомненно, все эти причины действительно имели место. Именно ими объяснял преобразования сам Петр. Но эти причины как бы лежали на поверхности, указывали больше на мотивы преобразований, чем на их суть. Такой подход в целом характерен для историков государственной школы, объяснявших изменения государственной машины почти исключительно внутренней логикой развития государства, не учитывавших многие другие факторы, приводившие к эволюции и реформированию государства. Наконец, нужно учитывать недостаточную изученность допетровских государственных институтов, «пугавших» историков-государствоведов своей «варварской спутанностью» и кажущейся нелогичностью. Ведь эти историки были воспитаны на стройных концепциях государственной жизни по Лоренцу Штейну и другим теоретикам государства XIX в., и проблема историзма, менталитета людей прошлого — все это только начало проникать в историческую науку, а в историю государства и права — в последнюю очередь.

Пожалуй, редким исключением из целого ряда формально-юридических работ являются труды А. Д. Градовского — тонкого интерпретатора не только истории конкретных институтов государства, но и общих проблем развития русской государственности (см. *Градовский*). Многие его наблюдения и выводы не устарели и до сих пор. То же можно сказать о блестящей работе И. И. Дитятин «Верховная власть в России XVIII столетия» (*Дитятин (1881)*), поставившего важнейшие вопросы истории русского государства в прямую связь с историей самодержавия.

Помимо общих, весьма важных для осмысления петровских реформ трудов С. М. Соловьева и В. О. Ключевского (*Соловьев; Ключевский (1989)*), огромную роль в становлении научного знания о них сыграли многочисленные публикации по истории конкретных государственных учреждений: Боярской думы, Сената, Синода, приказов, канцелярий, коллегий (*Петровский; Белокуров (1906); Голубев; Горчаков (1868); Гурлянд (1902); Загоскин; История Сената; Очерки истории МИД; Рожков* и др.). Особый вклад в изучение истории допетровских учреждений и их делопроизводства внесли историки-архивисты, работавшие в XIX—начале XX в. с делопроизводственными материалами приказов: П. И. Иванов, А. А. Гоздаво-Голомбиевский, Н. Н. Ардашев, Н. Н. Оглоблин, С. А. Шумаков, а потом их советские преемники — А. Н. Сперанский, И. Ф. Колесников, А. В. Чернов и др.

Своими целостными концепциями и обилием материала для истории государственных преобразований Петра I примечательны монографии П. Н. Милюкова, М. М. Богословского, А. А. Кизеветтера и затрагивающая последствия областных преобразований книга Ю. В. Готье (*Милюков (1905); Богословский (1902); Кизеветтер (1903); Готье*). В советское время подобных работ не выходило из печати, не считая историографической книги о регулярном государ-

стве Петра I Б. И. Сыромятникова, второго тома монографии Ю. В. Готье, книги С. М. Троицкого, посвященной истории Табели о рангах, а также серии фундаментальных работ Н. Ф. Демидовой (*Сыромятников (1943); Троицкий; Демидова*). Единственной специальной монографией по нашей теме является книга Л. А. Стешенко и К. А. Софроненко (*Стешенко и Софроненко*). Написанная в формальном историко-юридическом ключе, в духе упрощенной идеологии марксизма, рассматривающего государство лишь как машину эксплуатации трудящихся господствующим классом, эта книга не содержит ни постановки, ни разрешения научных проблем по теме. Серию работ о государственных преобразованиях Петра I опубликовал А. Н. Медушевский. Использование автором сравнительно-исторического метода при изучении петровских государственных реформ не дало плодотворного результата. Сравнение реформ Петра I с реформами в других странах формально, не учитывает исторической реальности этих стран, хронологически некорректно. Сами административные реформы Петра I вырваны из исторического контекста, что приводит автора к парадоксальным выводам о том, что в истории Нового времени административные реформы Петра I подобны открытию Колумба (*Медушевский (1994a)*, с. 78). Выразительно и название главы: «Приказная волокита как способ противодействия реформам» (*Медушевский (1994b)*, с. 37).

Тема реформы центрального и высшего управления при Петре I затрагивается и в зарубежной историографии. Из массы обобщающих работ следует выделить как наиболее содержательные сочинения Р. Виттрама и М. Андерсона — одни из лучших научных книг, написанных о Петре Великом на немецком и английском языке (*Wittram; Anderson*). Если книга Виттрама является фундаментальным фактологическим сочинением, традиции которого продолжил в своих справочных трудах Е. Амбургер (*Amburger*), то книга М. Андерсона примечательна своим органичным подходом к истории реформ Петра. В отличие от М. Андерсона многие западные историки разделяют «деструктивную» концепцию Милюкова, пишут об искусственности и нежизнеспособности нововведений в государственной и иных сферах (см., напр., *Samner*, p. 112—118; *Oliva*, p. 59). В противовес этому М. Раев стремится увидеть сквозь новизну вводимых Петром институтов черты преемственности старых, дореформенных принципов и идей, опирающихся в конечном счете на незыблемость самодержавия (*Raeff (1974)*). Важны для нашей работы и исследования по истории культурных и идейных связей России с Западной и Северной Европой, что отражалось в судьбе важнейших законодательных актов и институтов, которые копировались и приспособлялись Петром для России. Эта тема весьма популярна в зарубежной историографии (*Petschauer; Anners; Putkamer; Peterson (1976); Peterson (1983)*).

Особое место среди этих исследований занимает книга Класа Петерсона «Административные и судебные реформы Петра Великого. Шведские образцы и реализация их на практике» (*Peterson (1979)*). Преимущество книги шведского историка перед другими работами на

эту тему — в широком использовании материалов не только шведских, но и русских архивов, в умелом сопоставлении источников, в их детальном текстологическом анализе. Важно, что автор искал не столько буквальные совпадения в русских и шведских законах, сколько отражение важнейших идей шведского законодательства в русском. Справедливо критикуя историков, которые преувеличивали творческий характер переработки Петром I иностранного опыта при введении коллегий, Клас Петерсон писал о «творчестве жизни», о том, в какой степени условия функционирования новых учреждений внесли свои, подчас существенные коррективы в используемые шведские образцы, а некоторые сделали просто непригодными к употреблению в России.

Источники книги вполне традиционны. Из архивных материалов с возможной полнотой использованы документы РГАДА. Данные о создании коллегий и преобразовании Сената в большом количестве сохранились в фонде Кабинета Петра I (ф. 9, Отделение I и Отделение II), Сената и его учреждений (248), в фонде «Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений» (370), в фондах 286 (Герольдмейстерская контора), 393 (Рекетмейстерская контора), а также в разряде ХVI (Внутреннее управление) и некоторых других. О начале работы нового государственного аппарата можно узнать из делопроизводственных бумаг коллегий: Берг- и Мануфактур- (271), Камер- (273), Коммерц- (276), Штатс-контор- (279), Юстиц- (282), Главного магистрата (291). О дореформенном управлении дают представление следующие фонды: 158 (Приказные дела старых лет), 210 (Разрядный приказ), 237 (Монастырский приказ), 396 (Оружейная палата) и многие другие. В работе использованы также фонд 2 (Военная коллегия) РГВИА и фонд 176 (Адмиралтейская канцелярия) РГАВМФ.

Особо важен для исследования реформы и деятельности самодержца фонд 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого) СПбФИРИ. Сорок папок — единиц хранения содержат копии писем и бумаг Петра I за 1713—1725 гг., которые были некогда подготовлены А. Ф. и И. А. Бычковыми для издания. Опубликованные 12 томов ПБП широко использованы в книге, как и тт. 2—7 I Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ), а также тт. 1—6 Докладов и приговоров Правительствующего Сената за 1711—1716 гг. (ДПС). Крупнейшим вкладом в исследование государственной реформы Петра I стал опубликованный в 1945 г. сборник «Законодательные акты Петра I (Акты о высших государственных установлениях)» (ЗА). Историк Николай Александрович Воскресенский в нечеловеческих условиях блокадного Ленинграда совершил подлинный научный и человеческий подвиг, тщательнейшим образом проделал сложную источниковедческую и археографическую работу по выявлению, прочтению, классификации, подготовке к изданию более 400 ценнейших автографов Петра I, которые вошли в первый том Законодательных актов. Два других подготовленных Воскресенским тома так и не увидели свет — они хранятся в Отделе рукописей Российской

национальной библиотеки (фонд 1003) и в Отделе рукописных фондов Института российской истории РАН (фонд «А»). Н. А. Воскресенскому не удалось завершить публикацию оставшихся рукописей и написать задуманную им книгу о законодательной деятельности Петра Великого. Памяти Н. А. Воскресенского посвящаю эту монографию.

Приношу свою искреннюю благодарность рецензентам рукописи книги: Лидии Николаевне Семеновой (к сожалению, не дожившей до того дня, когда она смогла бы прочитать эти строки), А. Г. Манькову, также В. М. Панеяху, А. П. Павлову, П. В. Седову и другим коллегам по Отделу древней истории Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, общение с которыми для меня очень ценно. Я признателен также моим московским друзьям и коллегам, знакомившимся с отдельными частями работы: А. Б. Каменскому, Н. И. Павленко, С. И. Сметаниной, Ю. М. Эскину, А. И. Гамаюнову и многим другим, кто брал на себя труд содействовать автору в написании этой работы. Рукопись была подготовлена несколько лет назад, ее материалы использовались автором при написании нескольких книг и статей (см. *Анисимов*). Однако в дополненном и переработанном виде рукопись превратилась в книгу благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и усилиям петербургского издательства «Дмитрий Буланин», которым я выражаю свою глубочайшую признательность. Благодарен я также И. И. Домниной, помогавшей готовить рукопись к печати.

* * *

22 октября 1721 г. в Петербурге начались празднования по поводу заключения Ништадтского мира, положившего конец Северной войне (1700—1721 гг.). В этот день в Троицком соборе Сенат поднес Петру I титулы «Императора», «Великого» и «Отца Отечества». После приветственной речи канцлера Г. И. Головкина, благодарившего императора от имени народа за «произведение из небытия в бытие» России, Петр I сказал ответное слово, к которому, как свидетельствуют материалы, тщательно готовился и текст которого затем редактировал. Описание торжества и произнесенных речей было впоследствии изложено в специальном дипломатическом циркуляре-реляции для посылки за границу (ЗА, 213, 214). Подготовка тезисов речи, сам момент, избранный для произнесения ее, забота о публикации сказанного на церемонии за рубежом, наконец, само содержание речи Петра — все это свидетельствует о чрезвычайной важности происходящего. В сущности, Петр произнес программную речь, в которой очертил как достижения, так и проблемы, стоявшие в тот момент перед Россией. Во-первых, в словах, обращенных к подданным в этот исторический момент завершения долгой и тяжелой войны, он призывает их никогда не забывать Бога, который оказался так милостив к России. Во-вторых, он предупреждает, что мир, завоеванный «храбростию своего оружия», — не повод для успокоения: «и во

время того мира роскошми и сладостию покоя себя усыпить бы не допустили, экзерцицию или употребление оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оное б всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которыя чрез такое нерачительство весьма разорились». В качестве примера Петр приводит судьбу Византии, погибшей, по его мнению, из-за такого «нерачительства». Но то, что важнее всего для нас, содержится в третьем пункте. В конспекте речи мы читаем: «Надлежит трудитца о пол[ь]зе и прибытке общем, которой Бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облехчен будет народ». В циркуляре-реляции тема достижения этой высшей, общепризнанной цели государства — всеобщего блага («польза и прибыль общий») детализируется: «Надлежит им стараться о начатых разпорядках в государстве, дабы оные в совершенство привесть и чрез дарованной Божию милостию мир являемые авантажи, которые им чрез отворение купечества с чужестранными землями вне и внутрь представляются, пользуются тщилися, дабы народ чрез то облегчение иметь мог» (ЗА, 213, 214). Суть сказанного в том, что нужно усовершенствовать государство и, пользуясь полученным миром, достичь с помощью торговли искомого облегчения народа и общего блага.

Здесь мы видим всю совокупность популярных тогда идей достижения общего блага, облегчения тягот народа и процветания страны с помощью усовершенствованного государства и за счет меркантилистической торговли. Из всего этого набора нас более всего интересует положение: «Надлежит им стараться о начатых разпорядках в государстве, дабы оные в совершенство привесть...». Зная язык Петра, имея общее представление о его идеях, можно многое понять из этой краткой фразы, которая отражает суть его реформаторской программы.

Еще за три года до торжественной речи в Троицком соборе, в указе 19 декабря 1718 г., Петр писал о себе (в третьем лице), что, несмотря на несносные труды «в сей тяжкой войне, в которой не только что войну вести, но все внофь, людей во оной обучать, правы и уставы воинския делать принужден был, и сие, с помощью Божиею в такой добрый порядок привел, что такое ныне перед прежним войском стало и какой плод принесло, всем есть известно. Ныне, управляя оное, и о земском правлении не пренебрег, но трудитца и сие в такой же порядок привесть, как и воинское дело. Того ради учинены коллегии, то есть собрания многих персон вместо приказоф...» — и далее описываются те преимущества, которые дает коллегиальный строй для решения судебных дел, чему и был посвящен указ 19 декабря 1718 г. (ЗА, 60).

В 1716 г. в «Объявлении к Уставу Воинскому» Петр I писал о поражениях русской армии в XVII в. и что «потом, когда войско распорядили, то такие великие прогресы с помощью Вышняго учинили над таким славным и регулярным народом (т.е. шведами. — Е. А.). И тако всяк может разсудит[ь], что ни от чего инаго то последовало, токмо от доброго порятку, ибо все беспорядочной варварской обычай

смеху есть достойной и никакова добра из онога ожидат[ь] невозможно» (ЗА, 37).

Итак, мысль Петра очевидна: победы в столь трудной войне достигнуты с помощью, естественно, Бога и преобразований в военной сфере, когда в армии воцарился «добрый порядок», который противопоставляется прежнему «варварскому беспорядочному обычаю» и имеет в своей основе регулярное начало, выраженное в законах, уставах, системе воспитания и обучения военнотружущих. Теперь, после победного завершения войны с помощью «добротого порядка», необходимо обратиться к гражданской (земской) сфере и ее «в такой же порядок привести, как и воинское дело» с тем, чтобы добиться и здесь победы, смысл которой — в достижении благополучия народа. В письме к рижскому губернатору кн. А. И. Репнину от 15 ноября 1721 г. Петр, повторяя все сказанное выше, приводит другое, но столь же выразительное определение: «Понеже по милости Всевышнего имеем мир, в котором о раз порядках домовых трудитца надлежит» (*АСПБФИРИ*, 270, 1, 97, л. 305). Мысль эта повторялась царем не раз. Так, задумав коренную перестройку управления Русской православной церковью и намереваясь фактически уничтожить монастыри, сделав из них приюты для искалеченных солдат и нищих, он писал в «Определении» о монастырях 31 января 1724 г. о «расположении правильно всех дел в государстве...» (ЗА, 191).

Следует заметить, что идея государственных преобразований, выраженная Петром в торжественной речи 22 октября 1721 г., к этому моменту уже воплощалась. Как это происходило — и будет рассказано в книге. Но предварительно нелишне дать общую оценку всей ситуации, в которой начались реформы центрального и высшего аппарата в конце Северной войны.

Несомненно, что петровским реформам предшествовал серьезный структурный кризис, в котором оказалась Россия, ее социально-политическая организация, культура, ее государственность в конце XVII в. (*Каменский (1994)*, с. 137—152). Проявления этого кризиса были остры и потенциально опасны для будущего страны. При этом допустимо, что этот кризис был, в сущности, продолжением кризиса XVII в., корни которого уходят еще дальше, во времена, предшествовавшие Смуте начала XVII в. (Об этом писал В. М. Панеях, см.: *Власть и реформы*, с. 92—110). В экономической сфере в конце XVII в. кризисные черты не были ярко выражены, но они были уже заложены в основе экономики, точнее — в темпах экономического развития. Последующие события, и прежде всего горячка бурного промышленного строительства в начале Северной войны, показали, что в конце XVII в. Россия уже серьезно отставала в промышленном развитии от крупных европейских держав, в том числе и Швеции, и была вынуждена ввозить железо и оружие для нужд армии, что в конечном счете ставило под сомнение не только имперские амбиции власти, но и безопасность страны.

Гораздо сильнее кризис проявился в политической, социальной и военной сферах. События начала царствования Петра ознаменовались острым династическим кризисом, кровавым бунтом стрельцов в мае 1682 г., политическим противостоянием группировок Нарышкиных и Милославских в течение семи лет, с 1682 по 1689 гг., и, наконец, мятежом стрелецких полков в 1698 г. Вернувшийся в этот момент из-за границы Петр крайне болезненно воспринял происшедшее. Он был убежден, что корни крамолы не вырваны до конца, что ненавистная ему «старина», как и в детстве, угрожает его физическому и политическому существованию. Петр прибегает к традиционным мерам борьбы с оппозицией, которые при Иване Грозном назывались кратко — «перебор людишек»: следуют массовые жестокие казни, опалы, конфискации, ссылки, смещение с важных постов ряда крупных деятелей. Одновременно происходит выдвижение на первые роли людей незнатных, но преданных царю, первым из которых становится простолудин А. Д. Меншиков.

Кризис военный был не менее острым, чем политический. Он наметился давно и свидетельствовал о потере боеспособности русской армии, которая во второй половине XVII в. почти не одерживала побед над не самыми сильными в военном смысле соседями — татарами, турками и поляками. Этот кризис завершился сокрушительным разгромом русской армии под Нарвой в самом начале Северной войны. Истоки хронических военных неудач были в том, что разрушился фундамент, на котором с давних пор стояла русская армия, — поместная система. Поместье как главный источник обеспечения служилых людей претерпело серьезные изменения. Эта форма временного землевладения в течение XVII в. эволюционировала в сторону сближения с вотчиной — наследственным владением служилого. Иерархия поместных окладов — основа традиционной службы — начала распадаться. Это обстоятельство, как множество других, привело к тому, что помещик, служилый человек, был не заинтересован в службе «с земли». Неудачны оказались и попытки реформировать армию путем создания «новоманирных» полков, ибо основа обеспечения офицеров и солдат этих полков была все та же — поместное владение. Пришли в упадок и прежде лучшие, элитные полки стрельцов, политическая надежность которых вследствие распространения в их среде преторианских настроений резко понизилась, а боеспособность из-за активной торговой деятельности стрельцов стала незначительной.

Итак, военный кризис имел в своей основе серьезные социальные причины — кризис всей служилой, чиновной системы, в которую было сведено почти все русское общество, начиная с бояр и кончая холопами. Организация «Государева двора», как и уездных служилых корпораций — «города», разваливалась под воздействием политических и экономических факторов. Попытки реформировать социальную и военно-служилую организацию, предпринятые при Федоре Алексеевиче и Софье, не оказались эффективными и кардинальными настолько, чтобы предотвратить углубление общего кризиса. То же

самое можно сказать о переменах в сфере культуры. Здесь шел мучительный процесс отторжения постулатов традиционализма. Проявления политических, военных, социальных, культурных аспектов кризиса сочетались с крайне болезненным для русских людей кризисом традиционного мировоззрения, идеологии, духовной сферы. Раскол с его ожесточенной борьбой, кострами, на которых одни православные сжигали других, был самым зримым, эсхатологически страшным проявлением кризиса в духовной сфере, в мировоззрении. Накануне петровских реформ был налицо совокупный, структурный по сути кризис русского общества. Выходом из него и стали крупные военные, социальные и государственные преобразования Петра I.

Здесь неизбежно возникает вопрос о личном факторе в истории реформ. Если кризис налицо, созрел, то он должен неизбежно разрешиться независимо от того, появился Петр I или нет. «Ветер истории» уже дул в направлении реформ, и многие деятели времен царя Федора и Софьи его явственно ощущали. Можно предположить, что без Петра I средства выхода из кризиса были бы иными, возможно постепенными и не такими жестокими. Но существование Петра как самодержца все изменило. Влияние его личности, интеллекта, политических и психологических установок оказалось невероятно большим для хода, темпов, проявлений реформ. Намерения начать преобразование были обусловлены не только тем, что царь ясно осознавал многие проявления кризиса, но и тем, что он полностью, бескомпромиссно отрицал старомосковский, традиционный образ жизни. Истоки неприятия того, что Петр с ненавистью называл «старинной», «варварским обычаем», коренились в трагической судьбе юного царя, фактически свергнутого с престола в мае 1682 г. и не имевшего долгие годы какой-либо политической перспективы. Вся его юность прошла в атмосфере ненависти, страха, скрытой борьбы с Софьей, в ожидании возможной драматической для него развязки. Да и позже, уже придя к власти в 1689 г., он не без оснований опасался заговоров и бунтов со стороны бояр, многие из которых были противниками его клана. Известно, что, отправляясь в длительное путешествие за границу в составе Великого посольства, он взял с собой цвет молодежи — сыновей крупных бояр, и не только для того, чтобы обучить их кораблестроению или мореплаванию, но и «адамантами верности их отцов» (Нартов, с. 11). И хотя информация об этом известна нам из «анекдота» Нартова, доверять ей можно — практика заложничества была в традициях Востока и имела распространение и в России в тех случаях, когда шла речь о гарантиях заключенных с восточными соседями договоров. В итоге тот заряд ненависти к старому укладу жизни и символизирующим его бородатым боярам и стрельцам, по словам Петра I, «саранче кровавадной», который царь вынес из своих детских и юношеских лет, стал важным психологическим стимулом в его реформаторской деятельности, способствовал ее радикализму. Так, в литературе уже высказано то соображение, что в строительстве Санкт-Петербурга проявилась не только рациональная предусмотрительность царя, стремившегося построить город, порт, столицу

и тем самым освоить и закрепить за Россией пустынные невыезды берега, но и максималистское желание начать свою жизнь заново, вдали от традиционной, враждебной ему Москвы. Петербург создавался отчетливо как антипод «варварской» Москве, он противопоставлялся старой столице как город, обладавший иными, лучшими (читай — западными) чертами. Уточнение, заключенное в скобки, крайне важно для понимания реформ.

Поездка за границу, длительное пребывание в Голландии и Англии — странах, в то время технически очень развитых (а это было решающим критерием в тогдашнем европейском понятии культуры), упрочили отвращение Петра к русской традиционной жизни. Он считал «старину» не просто опасной и враждебной лично ему, царю Петру из клана Нарышкиных, но и тупиком для России, ее «варварские обычаи» были для Петра свидетельством очевидного технического, военного, культурного отставания России от других европейских стран. Западная же модель жизни во всем ее многообразии — от орудий труда до государственных институтов и мелких черточек быта — стала для него образцом, по которому он переделывал свою страну, беспощадно расправляясь со «стариной».

Важен еще один факт, поясняющий это. Петр, отстраненный от власти в 10 лет, оказался в Преображенском, вдали от Кремля, от той культурной среды, которая одновременно и стесняла личность царевича, и воспитывала его. Он обрел полную свободу, отразившуюся на его весьма своеобразном нраве. Кроме того, царь не получил, подобно своему отцу или старшему брату Федору, традиционного православного образования, позволявшего им на равных с церковными иерархами разбираться в сложных вопросах веры, церковной литературы и культуры. В итоге мир его отцов, помимо политического его аспекта, оказался чужд ему и как явление культуры. Петр не усвоил той совокупной системы ценностей, которая была присуща традиционной русской культуре, основанной на православии и гордом сознании исключительности православного духа и образа жизни. Наоборот, Петра втянула в себя типично протестантская модель существования в реальном, прагматическом мире конкуренции и личного успеха, которую и освящал такой не похожий на православного протестантский Бог. Этой модели жизни Петр во многом и следовал в своей деятельности. Так появилась и развилась идея вестернизации. Внедрение ее в России привело, с одной стороны, к неизвестной для допетровской России открытости общества, перенимавшего с Запада все самое новое, хорошее (как, впрочем, и вполне плохое), а с другой стороны, к тому явлению, которое в современной историографии называется «догоняющей моделью» развития: непрерывную, подчас на пределе сил общества, гонку за наиболее развитыми странами, а также острое, болезненное сознание отставания, которое может привести Россию к гибели. Противовесом этому мировосприятию стала консервативная по сути идея некоей исключительности России, особого «русского пути» в истории.

Принципиально важно было то, что реформы и Северная война совпали по времени, были тесно связаны между собой. Мечта о выходе к морю, о «пристанях», была, конечно, важным мотивом к началу войны со Швецией и непосредственно сливалась с важной в государственном мировоззрении идеей праведного реванша, возвращения «отчин и дедин» — территорий, некогда отобранных шведами у России. Шведы, захватив эти территории, по мнению Петра I, «не только ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбезрению добрый задернули завес и со всем светом коммуникацию пресекали» (*Устрялов*, с. 47).

Кроме того, война, точнее победа в ней, была очень нужна молодому царю. В те времена военные столкновения не расценивались как несчастье, как катастрофа. Тогда была распространена концепция полезности войны, приносившей славу и новые территории государю, чины и ордена генералам, подвиги и приключения офицерам, трофеи солдатам и престиж государству и государю, всепобеждающей мощи которого должны были побаиваться соседи. Государь — прежде всего полководец, и что он из себя представляет — народ может судить по его победам. Война была и средством решить внутренние проблемы, «выпустить застоявшуюся кровь» армии. Наконец, война вытекала и из агрессивности молодого царя, который, как и его коронованный приятель Август II и коронованный же враг Карл XII, искал, в соответствии с рыцарской этикой, «поле», чтобы утвердить себя как государя-воина и, конечно, как победителя.

Говоря о связи войны и реформ, отметим, что Северная война была стимулятором многих технических, социальных и иных процессов. Благодаря острой военной потребности, усугубившейся в результате поражения под Нарвой в 1700 г., процесс реформирования в стране пошел просто стремительно. Это касалось не только разрушения уже непригодной служилой структуры и других институтов, но и создания всего того нового, что в иное, мирное, время создавалось бы десятилетиями. Так, война дала невиданный по силе стимул для подлинной индустриализации экономики, русская промышленность была создана исключительно благодаря военным заказам, финансируема казной и полностью ориентирована на войну. В целом война, остро необходимые преобразования армии «вытянули» всю цепочку реформ: финансовых, социальных, экономических, просветительских, административных и др. (см. *Шмурло*).

Мы не можем точно сказать, когда начались реформы Петра I. Условной гранью начала их следует считать рубеж XVII—XVIII вв., а конец приходится на 1725 год, когда, со смертью Петра, реформы оборвались. Важно отметить, что преобразования в различных сферах начинались одновременно и поэтому надолго растянулись, что для русского общества оказалось весьма мучительным испытанием. Реформаторский процесс проходил в «рваном» ритме, реформы поначалу не согласовывались между собой, и создаваемые элементы новой государственной и социальной структуры долгое время не сочетались в единое целое. Эти особенности петровских преобразований

привели некоторых исследователей (прежде всего, П. Н. Милюкова) к выводу о том, что не было никакого плана реформ, а была просто суета психопатичного царя, «затыкание» образующихся в ходе тяжелой Северной войны «дыр» в экономике и политике, так что Петр I лишь по ошибке назван царем-преобразователем, а на самом деле реформа прошла без реформатора. Это эффективное наблюдение, проходящее через всю книгу Милюкова «Государственное хозяйство России...» (*Милюков (1905)*), страдает, однако, односторонностью. Конечно, у Петра I часто не было не только плана некоторых конкретных преобразований, но и достаточно ясного представления обо всех аспектах реформ. Непосредственно это относится к начальному этапу преобразований, к первому десятилетию Северной войны, когда над всем, что делал царь, висела жестокая необходимость найти срочное решение и быстрый результат, ибо этого требовала война с опасным и сильным противником. В равной степени это сказывалось при создании промышленности, в реформе армии или преобразовании государственного аппарата. В последний же период войны, когда после оккупации Восточной Прибалтики, Финляндии, успешных действий на море и в Шведской Померании победа была лишь делом времени и искусства дипломатов, реформаторство Петра I существенно изменилось. Новое направление заметно по документам примерно с 1715 г., хотя конкретные преобразования начались только в конце 1717 г. Весьма важным для нового, представляемого царем как послевоенный, этапа реформ было длительное путешествие его в Германию, Данию, Голландию и Францию в 1716-1717 гг. Почти за два десятилетия до этого, в 1697 г., Петр также отправился в Западную Европу в составе Великого посольства и привез в Россию скорее впечатления, ощущения, чем точные знания и планы того, что он хочет изменить в России. Во время второго путешествия Петра было все иначе. Несмотря на массу дел, связанных с завершением Северной войны, несмотря на болезнь, он обдумывал и обсуждал со специалистами ряд основных, общих положений для нового цикла преобразований, которые и начались сразу же после возвращения царя в Россию. Этот этап реформы, который Петр характеризовал как воцарение «доброего порядка», представляется достаточно продуманным, хорошо обеспеченным — благодаря усилиям эмиссаров Петра — законодательным материалом.

Важнейшей особенностью начавшегося с конца 1717 г. этапа реформы было и то, что, как и в военном деле, Петр I вознамерился покончить с «беспорядочным варварским обычаем» государственного строя России не просто посредством использования принципов организации и опыта деятельности отдельных государственных институтов других стран, и в особенности — Швеции, а воспроизведением целостного, взаимосвязанного комплекса, системы учреждений разного вида. Речь идет об административных, судебных, финансово-податных, центральных, высших, местных учреждениях, построенных и действующих в этих странах по единому типу, на основе ряда важнейших принципов, одним словом, того, что тогда называлось

Anstalt — учреждение, устройство. Именно стремлением Петра I охватить информацию о всей шведской системе объясним указ царя находившемуся в шведском плену кн. И. Ю. Трубецкому, чтобы тот достал «книги праф и всех чинов определение, ранги и звания всех Колегей, также и земские выборы и распорядки и, единым словом, весь анштальт государства Свейскова, начен от мужака и от солдата, даже до Сената» (3А, 34). Так же предельно широко понял задание Петра находившийся на Аландских островах Я. В. Брюс, сообщавший, что он сумел достать для царя «на шведском языке письменную книжку», в которой «упоминается не токмо о содержании артиллерии, но как морския и сухопутные служители в уездах содержатся, также о всяких земских и гражданских делах подробно, о академиях, о госпиталях, о школах, о сиротстве, о нищих и гулящих людях, о содержании мостов и дорог, о почтах, о рудокопных и прочих делах, вкратце сказать, о всем, что принадлежит ко владению и употреблению губернии» (3А, 53). Такое же задание получил находившийся в Копенгагене кн. В. Л. Долгорукий: «Дабы весь анштальт [у]т экономии каралефства Датского сыскал печатные. А чего в печати нет писменные, также чего и в пис[ь]ме нет, для того, что уже обыкло, и то написать же». Ниже Петр поясняет, что именно его интересует: «Все Коллегии и чиноф названия и должность каждой Колеги[и] и каждого во оной, также земских и протчих управителей должность и чин, [и] все, что к тому надлежит» (3А, 25). Это письмо в Копенгаген датировано 12 сентября 1715 г. Через неделю Петр направил письмо Я. В. Брюсу в Финляндию о присылке полных сведений о системе сбора налогов и содержании армии в Швеции (3А, 26). Генрих Фик, посланный в декабре 1715 г. с тайной миссией в Швецию, также получил задание собрать сведения «об аанштальте экономии оного государства» (3А, 29).

Петр I не собирался ограничиться реформой центрального административного аппарата, он предполагал начать на основе шведской организации кардинальную реформу местного управления, образовать провинциальные органы власти, которые точно «состыковывались» бы в своих полномочиях и обязанностях с соответствующими центральными органами администрации, финансов, судопроизводства. Ввести новые центральные и местные системы управления предполагалось одновременно — с января 1720 г. (ср.: 3А, 261 и 54). Судебная система также претерпела реформу на основе шведского образца. Реформатор хотел создать вертикаль независимых от администраторов судов разных уровней (*Богословский (1902)*, с. 164—256). Вместе с организацией системы нового суда началась также разработка нового свода законов — Уложения, в основу работы над которым были взяты кодексы судопроизводства, уголовного и процессуального права ряда стран, и в первую очередь Швеции (см. *Маньков (1970)*, *Маньков (1986)*, *Peterson (1983)*, р. 369—403; *Замураев (1994)*). К этому нужно добавить, что в те же годы началась податная реформа, резко изменившая всю систему сбора налогов. Как и в других случаях, основы нового налогообложения (подушное

обложение и размещение полков в дистриктах среди крестьян-плательщиков) были взяты из Швеции, а все функционирование налоговой системы было скорректировано с работой нового местного и центрального аппарата (см. *Анисимов (1982)*). Если вспомним, что с 1720 г. началось образование магистратов, гильдий и цехов по западноевропейским образцам (см. *Дитятин (1875)*, *Кизеветтер (1903)*), осуществление церковной реформы в начале 1720-х гг., был издан Духовный регламент — роковая книга в истории Русской православной церкви (см. *Верховской, Cracraft (1971)*), а также издана Табель о рангах (см. *Bennett; Троицкий (1974)*), то картина задуманных преобразований, осуществляемых одновременно и в разных сферах, но по единому плану, на общих принципах и идеях регулярности, под единым руководством царя-реформатора, представляется поистине грандиозной.

Реформа центрального и высшего управления занимала особо важное место в системе осуществляемых реформ. Принципиально новые коллегии и преобразенный Сенат должны были, по замыслу Петра, составить стеновой хребет всего нового государственного устройства, приведенного в «добрый порядок».